

РУТ КАУТС

ХРИСТИАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ БАХТИНА

ГЛАВА 1

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)¹

Перевод с английского:

Мария Вячеславовна Горбачева

преподаватель кафедры филологии МДА

Екатерина Игоревна Терехова

преподаватель кафедры филологии МДА
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
etoccupation@gmail.com

Для цитирования: *Каутс Рут*. Христианство в творчестве Бахтина. Глава 1 (продолжение) / перевод с англ. М. В. Горбачевой, Е. И. Тереховой // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 1 (3). С. 132–151. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.013

Предисловие переводчиков

УДК 27-29

Настоящая публикация продолжает цикл переводов, цель которых — познакомить русскоязычного читателя с содержанием наиболее важных разделов исследования Рут Каутс (Ruth Coates) «Христианство в творчестве Бахтина» («Christianity in Bakhtin»)². Во второй части вступления³ она перечисляет работы западных и российских исследователей творчества Бахтина (монографии, статьи, эссе), к выводам которых относится довольно скептически и разъясняет свою попытку оспорить некоторые трактовки и выводы, а также показать их надуманность и поверхностность. Наибольший интерес для нее представляют основательные исследования, и сама она настраивает читателя на свой комплексный и практический подход в работе. В то же время, четко обозначая цель своего исследования, автор смело утверждает, что ей самой «чуждо православие», и в своём исследовании она совершает попытку ещё и углубить свои знания.

- 1 Первую публикацию см.: Слово и образ. 2019. № 1 (1). С. 133–143.
- 2 *Coates Ruth*. Christianity in Bakhtin. Cambridge, 1998. (Cambridge studies in Russian Literature).
- 3 *Coates Ruth*. Christianity in Bakhtin. P. 9–24.

Обзор критической литературы на труды М. М. Бахтина и вопрос христианского прочтения

Полноразмерные труды

Существует множество признаков для классификации текстов критической литературы о творчестве М. Бахтина, которые в настоящий момент находятся в открытом доступе: труды славистов и неславистов, русских и зарубежных критиков, европейских авторов и неевропейских, и так далее. Анализ списка вторичных источников согласно данным критериям выдаёт интересные результаты, особенно с культурологической точки зрения. К примеру, до сих пор только одна тонкая монография о Бахтине была выпущена в его родной России, где отсутствуют какие-либо языковые барьеры для понимания его творчества в целом и где долгое время его книги были в открытом для чтения доступе. Между тем, как на Западе, появилось свыше 12 книг, посвященных Михаилу Михайловичу, за последние 13 лет, несмотря на культурные и лингвистические барьеры, включая несколько ключевых текстов, не имеющих перевода вплоть до настоящего момента.

Русские философы с присущей им самокритичной манерой комментируют данное явление: например, философ Елена Волкова выражает глубокое сожаление по поводу замедленной реакции школы отечественных филологов на труды Михаила Бахтина, указывая на разрыв между количеством статей и книг, опубликованных в России и Европе (соотношение — 285 к 412 на конец 1990 г.)⁴, при этом С. С. Аверинцев⁵ читает возмутительным такую умышленно затянутую реакцию (или отношение) русско-советских академических кругов к своему национальному наследию.

Однако, к чести русских филологов, западный литературный критик может смело отметить их определённую сдержанность и осмысленное присвоение трудов Михаила Бахтина — то, чего не хватает нашей весьма импульсивной и поспешной учёной мысли.

Явный акцент русской литературной критики о М. Бахтине был сделан на концептуальных исследованиях — размышлениях и статьях о его исторической контекстуализации, в особенности роли Бахтина в истории русской мысли, между тем как философская литература Запада склонна

4 Волкова Е. В. Эстетика М. М. Бахтина. М., 1990. С. 5.

5 Аверинцев С. С. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 257–259.

уделять внимание «экстенциональному контексту и сложным проблемам»⁶, а также применимости бахтинских концепций или их опровержению, того, как они были адекватно осмыслены. Разумеется, оба данных подхода — интенсивный и экстенсивный — дополняют друг друга, желательны лишь большее взаимодействие между ними.

Большая часть литературных исследований анализирует творчество М. Бахтина как целое, однако их методология значительно отличается. Рассмотрим три комплексных вводных труда: 1) новаторская монография Ц. Тодорова⁷ содержит в себе систематическое синхронное изложение бахтинской мысли; 2) книга К. Кларка и М. Холкиста⁸ берёт за основу хронологический и биографический подходы; 3) книга таких авторов, как Г. Морсон и К. Эмерсон⁹, которая объединяет два вышеуказанных подхода, тематически представляя развитие бахтинской философии во времени.

В целом, публикации 90-х гг. XX в. дальше развивают эти общие изыскания, осмысливая творчество М. Бахтина в более характерных рамках сравнения. Например, исследование М. Холкиста¹⁰ представляет собой интерпретацию бахтинского «диалогизма» как примера смены парадигмы XX-го столетия. П. Гардинер¹¹ сравнивает М. Бахтина с такими гигантами герменевтики, как Х-Г. Гадамер и Ю. Хабермас, а также с П. Рикером, культурным теоретиком левого толка, а автор М. Бернард-Дональдс¹² рассматривает отношение М. Бахтина к неокантианству и феноменологии, с одной стороны, и к марксистскому материализму, с другой.

Тем не менее, за единственным исключением биографического подхода К. Кларка и М. Холкиста, ни одна из вышеупомянутых работ не отдаёт должное религиозной составляющей творчества философа М. М. Бахтина. Ц. Тодоров лишь слегка касается интереса М. Бахтина

- 6 Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges / ed. G. S. Morson and C. Emerson, trans. by C. Emerson. Evanston (Ill.), 1989.
- 7 *Todorov T.* Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle / trans. by Wlad Godzich. Manchester, 1984.
- 8 *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.), 1984.
- 9 Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics / ed. G. S. Morson and C. Emerson, trans. by C. Emerson. Stanford, 1990.
- 10 *Holquist M.* Dialogism: Bakhtin and his World. London; New York, 1990.
- 11 *Gardiner M.* The Dialogics of Critique: M. M. Bakhtin and the Theory of Ideology. London; New York, 1992.
- 12 *Bernard-Donals M. F.* Mikhail Bakhtin: Between Phenomenology and Marxism. Cambridge, 1994.

к теме религии в своей первой главе биографического очерка¹³. П. Гардинер во вступлении своей книги, кроме сделанного им замечания слегка снисходительного характера о том, что М. Бахтин «даже» представлял в образе религиозного мыслителя, низводит в тексте данную тему лишь до единичной сноски¹⁴. М. Холкист, будучи атеистом, открыто признаёт, что интересовался верой М. Бахтина во время написания в соавторстве его биографии в 1984 г. только из чувства ответственности перед фактами¹⁵ и предлагает сосредоточиться на тех аспектах личности М. Бахтина, в которых у него есть личная заинтересованность. М. Бернард-Дональд даже вскользь не упоминает об этом религиозном аспекте личности русского философа. Г. Морсон и К. Эмерсон посвящают исследованию христианской темы и аллюзии в творчестве М. Бахтина в общей сложности менее 5 страниц текста из 530, и их подход к данной теме, по возможности, ограничивается категориями аналогии¹⁶ и аллегории¹⁷. Эти авторы признают существование христианских символов в трудах М. Бахтина только там, где было бы откровенно невозможным их игнорирование, и дают несколько кратких пояснений по поводу бахтинского богословия в том смысле, что он говорил не о Воскресении, а о вочеловечении Иисуса Христа¹⁸.

Несмотря на недостатки книги К. Кларка и М. Холкиста¹⁹, авторы заслуживают большое уважение за честное описание и анализ данного аспекта жизни и творчества М. Бахтина. Они записывали то, что знали о вере М. Бахтина и включили обсуждение некоторых религиозных элементов бахтинской мысли в свои исследования ранних сочинений автора, включая монографию «Проблемы поэтики Достоевского»²⁰. Освещение ими данного вопроса ограничено ввиду несовершенств их книги в целом. Прежде всего, всеобъемлющий характер работы К. Кларка и М. Холкиста означает, что ни одной теме не уделяется полного внимания и, следовательно, параграфы, посвящённые христианским мотивам в произведениях М. Бахтина, написанные до его высылки из России, вызывают соответствующий интерес читателя, хоть и не получают дальнейшего развития в более поздних текстах. К примеру, после

13 *Todorov T.* Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle. P. 4.

14 *Gardiner M.* The Dialogics of Critique: M. M. Bakhtin and the Theory of Ideology. P. 215.

15 *Holquist M.* Dialogism: Bakhtin and his World. P. XII.

16 *Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics.* P. 239–240.

17 *Ibid.* P. 403.

18 *Ibid.* P. 61.

19 *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin.

20 *Ibid.* P. 82–87, 248–252.

пятой главы, которая посвящена религиозной деятельности М. Бахтина в Ленинграде, ничего больше не говорится о христианских взглядах или вере М. Бахтина до последних минут его жизни, когда он отказывается от предсмертной исповеди священнику²¹. Книге также присущ недостаток академичности и настораживающий уровень домысливания, сводящие на нет истинную ценность темы религии в творчестве русского философа.

Тем не менее, следует отдать должное тому факту, что о Михаиле Бахтине можно смело утверждать то, что он выполняет полезную функцию в плане повышения интереса к данной теме и может быть рассмотрен как «начальный толчок» к дальнейшему исследованию. В действительности, мой собственный проект был отчасти обусловлен недоразвитыми идеями в книге К. Кларка и М. Холкиста.

Существует монография Д. Паттерсона под названием «Литература и Духовность: очерки о Бахтине и его современниках»²², автор которой — как указывает название — серьезно подходит к духовности М. Бахтина. Однако книга носит не описательный, а сравнительный характер. Следовательно, духовность М. Бахтина скорее предположительна, чем доказана, и является своего рода раздражителем для того читателя (Дэвид Шепард), который неодобрительно относится к религиозному чтению М. Бахтина. Д. Паттерсон исходит из не изученного до конца предположения (исходя из общерелигиозной и христианской точек зрения) о том, что М. Бахтин принимает концепцию слова Иоанна Богослова с позиции диалогического измерения в литературе как откровение Божественного Духа²³. Автор продолжает представление бахтинских идей в диалоге с такими же идеями М. Фуко, Н. Бердяева, А. Гиде, Ж. Лакана, Э. Левинаса и М. Хайдеггера. Идеи этих мыслителей о религии переплетаются в работе Д. Паттерсона, вызывая широкие возможности для взаимовлияния. Таким образом, книга Д. Паттерсона больше похожа на благочестивые размышления, нежели на научный труд, что, собственно, и указано в аннотации, но даже будучи размышлением, к сожалению, подвергается опасности со стороны сложного, если не сказать искаженного, стиля Д. Паттерсона, поскольку сравнения, которые приводит автор, несут в себе большие возможности для дальнейшего развития, потому что М. Бахтин обладал такой духовностью,

21 *Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin.* P. 343.

22 *Patterson D. Literature and Spirit: Essays on Bakhtin and his Contemporaries.* Lexington, 1988.

23 *Ibid.* P. 3.

которая заслуживает серьёзного внимания и более широкого признания среди читательской аудитории. Тем не менее, начало данному процессу не было ещё положено в литературных трудах западных критиков. И, значит, Д. Паттерсону необходимо провести дополнительное исследование под другим углом к проблеме духовности русского философа в сравнении с европейскими мыслителями до того, как его книга получит жизнь, и если не будет принята, то, по крайней мере, подвергнута тщательному анализу.

Есть достаточно большое количество монографий, в которых к Бахтину прибегают, чтобы осветить другого автора или понятие, но не рассматривают самого Бахтина в полной мере как автора. Особенно соответствует данному исследованию книга Джонса «Достоевский после Бахтина: чтения фантастического реализма»²⁴, который, хотя и рассматривает Достоевского в качестве объекта исследования, представляет собой интенсивный диалог с Бахтиным, поскольку Достоевский читается в свете новой парадигмы, по его словам²⁵, которая появилась в исследованиях, посвящённых Достоевскому благодаря авторитетному толкованию его Бахтиным в труде «Проблемы поэтики Достоевского».

Однако, с другой стороны, книга Джонса посвящена Бахтину, и Джонс в своём собственном прочтении Достоевского подвергает творчество Бахтина определённой вежливой критике, отчасти расширяя концепцию последнего, отчасти указывая на его недостатки. Главная критика Джонса в адрес Бахтина заключается в том, что он не сумел принять во внимание ни разрушительную, насильственную природу стилей вербального взаимодействия Достоевского, которыми славится автор, ни диалогический распад и недостаточность: полифония, в конце концов, является гармоничной концепцией. В этом Джонс явно прав, и своим исследованием этого аспекта текстов Достоевского убедительно развивает свою точку зрения. Расширение Джонсом Бахтина, однако, идёт некоторым образом к восстановлению оплошностей последнего, причём в направлении, которое косвенно (иногда прямо) связано с моим собственным тезисом.

Для Джонса попытки продолжить Бахтина в книге «В направлении христианской поэтики»²⁶: во-первых, показав в своей главе «Братья Карамазовы: шепот Бога», как подавляются важнейшие элементы

24 *Jones M. V. Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism.* Cambridge, 1990.

25 *Ibid.* P. VIII.

26 *Ibid.* P. 199.

христианской керигмы, как в тексте романа, так и в сознании некоторых его персонажей; во-вторых, предполагая, что христианское прочтение «Братьев Карамазовых» может продуктивно использовать понятие языка «падшего» в интерпретации этого подавления. Джонс, по-видимому, не подозревает, что Бахтин, как я надеюсь показать, развил острое осознание ложности дискурса, которое отражается в его зрелых произведениях. В своём предисловии Джонс пишет (в контексте дискуссии о том, как творчество Бахтина может быть ассимилировано с рядом теоретических подходов к литературе): «На мой собственный взгляд, он мог бы так же легко быть отнесен к какой-либо христианской теории литературы нового вида и, несмотря на пренебрежение в его трудах. Христианской традицией, он ведь писал в Советской России, его личная приверженность к Православию заставляет задуматься, что бы он не был удивлен либо потрясен подобным предположением»²⁷.

Я без колебаний поддерживаю это замечание и надеюсь, что мое исследование каким-то образом послужит основой для такой литературной теории.

Наконец, следует упомянуть работы теологов, на которых повлиял Бахтин. В своей статье 1984 г. Польцин использует понятия «авторитетный» и «убедительный» по отношению к бахтинскому анализу Второзакония, ссылаясь на его монографию 1980 г. (но см. также её дополнение 1989 г.) для более тщательного рассмотрения некоторых ключевых вопросов, поднятых в своём эссе. В этих монографиях автор анализирует повествование Второзакония в попытке найти семантическое подтверждение своим теориям. Х. К. Уайт (1991)²⁸ анализирует отношения автор — персонаж в Книге Бытия, а Рид (1993)²⁹ использует бахтинскую концепцию хронотопа для разработки поэтики Священного Писания, основанной на трёх родовых парадигмах закона, пророчества и мудрости. Само собой, применение теории дискурса Бахтина к библейским текстам не указывает на отношение к Библии самого Бахтина, хотя я согласна с Прикеттом (1986)³⁰, что существуют все доказательства того, что явное перенесение Бахтиным Священного Писания в область эпоса не так однозначно, как может показаться. Однако эту тему я затрагивать не буду, хотя она тоже достойна исследования.

27 Jones M. V. Dostoevsky after Bakhtin. P. XI.

28 White H. C. Narrative and Discourse in the Book of Genesis. Cambridge, 1991.

29 Reed W. L. Dialogues of the Word: The Bible as Literature according to Bakhtin. Oxford, 1993.

30 Prickett S. Words and The Word. Cambridge, 1986.

Статьи, относящиеся к данной теме

Хотя никто еще полностью не проанализировал отражение религиозных верований Бахтина в его работах, существует небольшое количество статей, посвящённых этой и похожим темам. Большинство из них были выпущены в России, где наблюдается тенденция к анализу этой тематики, а статьи на эту тему составляют значительную долю русской вторичной литературы о Бахтине в целом. На Западе же, напротив, интерес к этому аспекту деятельности Бахтина находится на низком уровне, и эта тема не вызвала интереса или увеличения количества публикаций. Помимо странного нежелания смотреть фактам в лицо, это можно объяснить тем, что большинство западных исследователей Бахтина игнорируют философскую ориентацию своих русских коллег, а также отсутствием (до недавнего времени) английских переводов тех текстов Бахтина, в которых наиболее чётко проявляются христианские мотивы. Таким образом, большинство из тех немногих работ на эту тему, опубликованных на Западе, были написаны славистами.

В 1980-е гг. статьи Энн Шукман стали гласом вопиющего в пустыне. В двух статьях о бахтинской трактовке Толстого³¹, а также в обзорной статье, посвящённой биографии Бахтина, написанной Кларк и Холкистом, и переводу Эмерсон книги о Достоевском³², она мимоходом касается темы христианства Бахтина. Однако в единственной статье, посвящённой исключительно этой теме³³, она рассматривает этот вопрос через призму того, что она называет персоналистской «философией человека» Бахтина, после рассмотрения отношений Бахтина с учёными, которые повлияли на его неокантианские взгляды — Дильтеем, Рикертом и Коэном. Шукман обращается к редко цитируемым отрывкам из раннего эссе Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» и к его позднему эссе, чтобы аргументировать свою идею о том, что в отношениях Бахтина в первую очередь интересуется личность, в том числе в отношениях с Богом³⁴. В статьях о Толстом она прибегает к тем же отрывкам, чтобы проиллюстрировать исторический контекст, в котором стоит рассматривать очевидно марксистские предисловия к Толстому, написанные в 1929 и 1930 г. А именно их стоит

- 31 *Shukman A. Bakhtin and Tolstoy // STLC. 1984. Vol. 9 (1). P. 57–74; Shukman A. Bakhtin's Tolstoy Prefaces // Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges. Evanston (Ill.), 1989. P. 137–148.*
- 32 *Clark K., Holquist M. A Continuing Dialogue // SEEJ. 1986. Vol. 30 (1). P. 96–102.*
- 33 *Shukman A. M. M. Bakhtin: Notes on his Philosophy of Man // Poetry, Prose and Public Opinion. Essays Presented in Memory of Dr. N. E. Andreyev. Letchworth, 1984. P. 241–250.*
- 34 *Ibid. P. 245–247.*

рассматривать как примеры двухголосых текстов, в которых Бахтин идеологически правильно критикует религиозные взгляды Толстого, но в то же время с помощью различных приёмов подчеркивает собственные взгляды и иронизирует над своей критикой с помощью приёма гиперболизации. Однако несмотря на то, что исследования Шукман служат необходимым напоминанием об этом непопулярном аспекте работ Бахтина, они слишком кратки и недостаточно систематичны, а поэтому не могут должным образом осветить проблему. Эти статьи, скорее, указывают на потенциально богатую область для исследований.

Помимо исследований Шукман, среди англоязычных работ можно отыскать лишь несколько отдельных эссе, посвящённых христианству и связанным с ним темам в трудах Бахтина. Статья Нины Перлиной о Бахтине и Бубере (1984)³⁵, насколько мне известно, всё ещё стоит особняком, хотя существуют признаки того, что на Западе растёт интерес к связи Бахтина с другими (религиозными) «диалогическими» мыслителями XX в. (Бубером, Розенцвейгом, Розенштоком-Хюсси). Перлина утверждает, что «Бахтинская теория дискурса-высказывания служит лингвистической основой для экзистенциалистской и иудео-христианской философии Бубера»³⁶, однако она не развивает это утверждение до сравнительного анализа религиозных аспектов работ Бахтина и Бубера, а лишь упоминает бахтинский «диалог человека и Бога». В этой статье Перлина пишет об интеллектуальном влиянии на понимание диалога этими философами, а также об их общих идеальных участниках диалога (включая Христа), но существование духовного родства между Бахтиным и Бубером лишь подразумевается, но не упоминается напрямую. В своём нетипичном эссе Барбара Таден (1987)³⁷ оспаривает трактовку Кристевой о деконструкции. Таден утверждает, что Бахтин «не отрицает наличие авторского голоса в произведениях Достоевского, не утверждает, что Достоевский потерял контроль над своими персонажами, и не полностью деконструирует “Я”»³⁸. По мнению Таден, бахтинское неполное «Я», скорее, следует понимать в рамках иудео-христианской традиции как нечто, нуждающееся в дополнении, в общности для своего завершения. То есть в опровержение эгоизма³⁹. Это даёт

35 *Perlina N. Mikhail Bakhtin and Martin Buber: Problems of Dialogic Imagination // STLC. 1984. Vol. 9 (1). P. 13–28.*

36 *Ibid. P. 25.*

37 *Thaden B. Z. Bakhtin, Dostoevsky, and the Status of the I // Dostoevsky Studies. 1987. Vol. 8. P. 199–207.*

38 *Ibid. P. 200.*

39 *Thaden B. Z. Bakhtin, Dostoevsky, and the Status of the I. P. 205.*

основания для сравнения Бахтина с религиозными экзистенциальными мыслителями, такими как Бубер и Ясперс. Этот аспект нужно исследовать гораздо более тщательно. К другим западным учёным, публиковавшим более-менее объёмные сравнительные исследования Бахтина и религиозных философов, относятся итальянцы Аугусто Понцио (о Левинасе)⁴⁰ и Донателла Феррари-Браво (о Флоренском)⁴¹.

Российская школа исследования Бахтина формировалась не так быстро, но в последнее время является особенно продуктивной, судя по количеству публикаций, появившихся в этой области с нач. 1990-х гг. В широком смысле можно разделить русскоязычные философские статьи о Бахтине на статьи, толкующие его концепции и труды, статьи, в которых обсуждается Бахтин в русском интеллектуальном контексте, а также на статьи, где его работы сравниваются с философскими течениями Запада. В последних двух категориях существуют подразделения, основанные на том, являются ли объектами сравнительного анализа интеллектуальные предшественники, современники или потомки Бахтина. Эти категории могут пересекаться, так как во многих публикациях небольшого объёма наблюдаются попытки охватить большой объём информации. Небольшая часть этих статей посвящена темам, связанным с христианским прочтением работ Бахтина.

Однако статью Турбина (1990)⁴² нельзя отнести ни к одной из перечисленных выше категорий. Это не столько научный анализ бахтинских текстов, сколько глубоко личное и благоговейное размышление на темы голода и боли в жизни Бахтина, на одном уровне в микромире голода и боли в послереволюционной России, а на другом уровне как отражение голода и боли, пережитых Христом во время Страстей Господних. Считается, что пережитые Бахтиным страдания побудили его написать несколько сочинений о карнавале, в которых Бахтин, как утверждает Турбин, «толкует материальный мир с точки зрения мира духовного, нематериального»⁴³, а также становится «свидетелем» существования иного мира⁴⁴. В этой статье Бахтин изображается как святой и мудрый духовный деятель, и Турбин делает явные отсылки к его связи с Христом. Несмотря на это, хотя выводы в этом эссе довольно надуманные, оно

40 *Ponzio A.* The Relation of Otherness in Bakhtin // *Semiotic Inquiry*. 1987. Vol. 7 (1). P. 1–20.

41 *Ferrari-Bravo D.* More on Bakhtin and Florensky // *Critical Studies*. 1990. Vol. 2 (1/2). P. 111–122.

42 *Турбин В. Н.* Карнавал: религия, политика, теософия // *Бахтинский сборник*. Вып. 1. М., 1990. С. 6–29.

43 Там же. С. 22.

44 Там же. С. 23.

является редким примером попытки увязать антиклерикализм статьи о Рабле с её духовным истолкованием, и в этом похоже на главу о бахтинском карнавале из моей собственной книги.

Пожалуй, самой ранней преимущественно «концептуальной» статьёй, посвящённой религиозной мысли Бахтина, является статья Ильинского (1985)⁴⁵, заявленная задача которой состоит в том, чтобы «привлечь внимание читателя к личности и трудам Бахтина в их религиозном аспекте»⁴⁶. Ильинский видит корни диалогической философии Бахтина в отношениях человека и Бога в «Авторе и герое», а корни его эстетики вообще в христианских концепциях. Далее он пытается показать, хоть и кратко, что поздние, на первый взгляд явно бездуховные работы Бахтина, не противоречат его ранним взглядам (например, статья о Рабле, о которой идёт речь на стр. 68–69). В этих двух аспектах моя работа полностью соответствует работе Ильинского, однако наши труды расходятся в том, что Ильинский не указывает на какое-либо развитие функции христианских мотивов в работах Бахтина. Наши работы также совпадают в том, что мы оба не считаем христианские принципы Бахтина чисто православными.

Работа Ильинского необычна тем, что он не контекстуализирует «Автора и героя» и не «помещает» Бахтина в свою собственную религиозно-философскую традицию. Одним из учёных, которые регулярно публикуют работы на эту тему, является К. Г. Исупов. Он проводит тщательные сравнительные исследования, подтверждённые многочисленными выдержками из трудов. В его статье 1990 г. рассматриваются работы Бахтина нач. 1920-х гг. как часть русской философской традиции, исследующей взаимосвязь искусства и жизни. Для сравнения он привлекает широкий круг русских мыслителей, как предшественников, так и современников Бахтина, уделяя особое внимание Флоренскому и Мейеру, но не игнорируя Герцена, Карсавина, С. Булгакова, Фёдорова, Розанова, Достоевского и др. Статья включает в себя краткий обзор христианских мотивов в «Авторе и герое» (которые я в главе 3 рассматриваю более подробно, но на той же основе)⁴⁷. В 1992 г. под другим названием⁴⁸

45 *Ильинский О.* Религиозные взгляды раннего Бахтина // Русское возрождение. 1985. № 31. С. 59–70.

46 Там же. С. 61.

47 *Исупов К. Г.* О философской антропологии М. М. Бахтина // Бахтинский сборник. Вып. 1. М., 1990. С. 33–34, 39, 40.

48 *Исупов К. Г.* От эстетики жизни к эстетике истории (Традиции русской философии у М. М. Бахтина) // Бахтин как философ / под ред. Л. А. Гогтишвили, П. С. Гуревич. М., 1992. С. 68–82.

была опубликована слегка переработанная версия этой статьи. Исупов посвятил целые статьи интеллектуальным отношениям Бахтина с Мейером и Флоренским. В статье о Бахтине и Мейере⁴⁹ он сравнивает и противопоставляет их взгляды на «другого» и в то же время помещает их в русский контекст литературно-философских дебатов начала XX в. Исупов утверждает, что в своих ранних работах Бахтин «цитирует» труды Мейера 1920-х и 1930-х гг. Упоминается также, что различия между этими философами заключаются в том, что Бахтин придерживается эстетического подхода к отношениям Я — Другой, а Мейер — онтологического, Бахтин положительно относится к культуре, а Мейер с подозрением, также у Бахтина отсутствует «готическая трансцендентность»⁵⁰. Суть статьи заключается в том, что христианство в его традиционном понимании едва ли можно назвать высшим авторитетом для Бахтина: «Для Бахтина ни марксизм, ни христианство не стали авторитетами, которые могли бы дать ответы на все вопросы»⁵¹. В своей статье о Бахтине и Флоренском⁵² Исупов помещает обоих писателей в направление русского религиозного ренессанса к переосмыслению традиционных философских проблем с помощью языка эстетики, характеризуя мировоззрение Бахтина как «эстетическое христианство»⁵³. Далее он исследует эстетические функции благодати и самопожертвования, греха и покаяния в «Авторе и герое», а также функции вины и ответственности в очерке «К философии поступка». По мнению Исупова, главное различие между Флоренским и Бахтиным заключается в том, что Флоренский выступает за то, что спасение другого ценой собственной жизни является производением искусства, а Бахтин подчёркивает, что спасение себя в другом и сама жизнь являются произведениями искусства⁵⁴. В отличие от Ильинского, Исупов использует такие православные понятия, как соборность и вина всех перед всеми. Наконец, в другой статье⁵⁵ Исупов рассматривает работу о Рабле в свете русской философской критики ренессансного

49 *Исупов К. Г.* Михаил Бахтин и Александр Мейер // М. М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1 / под ред. К. Г. Исупова. СПб., 1991. С. 60–70.

50 Там же. С. 69.

51 Там же. С. 65.

52 *Исупов К. Г.* Альтернатива эстетической антропологии: М. М. Бахтин и П. А. Флоренский // М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность: в 2 ч. / под ред. А. Ф. Еремеева и др. Ч. 1. Саранск, 1992. С. 161–168.

53 Там же. С. 161.

54 Там же. С. 167.

55 *Исупов К. Г.* Бахтинский кризис гуманизма (материалы к проблеме) // Бахтинский сборник. Вып. 2. М., 1991. С. 127–155.

гуманизма с точки зрения христианства, задаваясь вопросом «почему в своей трактовке Ренессанса Бахтин вычеркнул свою раннюю христианскую антропологию и антроподицею»⁵⁶.

Статьи Бонецкой о Флоренском подчёркивают различия между ним и Бахтиным намного сильнее, чем их сходства. Её сравнительное эссе 1991 г. начинается с довольно категоричного утверждения: «В своих работах Бахтин и Флоренский являют два противоположных полюса русской философии 1910-х и 1920-х годов»⁵⁷. В то время как Бахтин ориентирован на Запад и на культуру, Флоренский является концептуальным потомком славянофилов. Платоническая метафизика Флоренского — анафема Бахтину, так как у Флоренского не было более серьёзного философского противника, чем Кант — величайший источник вдохновения Бахтина. В работе также сказано, что единственное, что их объединяет — это «жажда общения»⁵⁸. Далее в этой статье сравниваются в основном концепции общения у двух мыслителей: Флоренский видит его как слияние любящего и возлюбленного, а Бахтин настаивает, что обособленность является необходимым условием коммуникации. Любопытно то, что Бонецкая не склонна связывать Бахтина с этосом православия, придерживаясь мнения о том, что он гораздо сильнее опирается на «иудео-протестантскую» традицию⁵⁹. Однако она не затрагивает вопрос религиозных убеждений Бахтина, и её отрицание влияния на Бахтина образа церкви как тела Христова⁶⁰ указывает на то, что у неё могут быть некоторые сомнения относительно их исследования.

Превосходная объёмная и подробная статья Бонецкой о проблеме авторства в трудах Бахтина⁶¹ во многом предвосхищает моё исследование. Она прослеживает единую концепцию — концепцию автора — во всех доступных на тот момент трудах Бахтина в хронологическом порядке (то есть без «Философии поступка»). Насколько мне известно, это единственное русскоязычное исследование, в котором это делается хоть сколько-нибудь подробно. Я также прослеживаю различные мотивы

56 *Исупов К. Г.* Бахтинский кризис гуманизма. С. 139.

57 *Бонецкая Н. К.* Теория диалога у М. Бахтина и П. Флоренского // М. М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1 / под ред. К. Г. Исупова. СПб., 1991. С. 52. См. также: *Бонецкая Н. К.* Слово в теории языка П. А. Флоренского // *Studia Slavica Hungarica*. 1988. № 34. Р. 9–25.

58 *Бонецкая Н. К.* Теория диалога у М. Бахтина и П. Флоренского. С. 53.

59 Там же. С. 54.

60 Там же. С. 57.

61 *Бонецкая Н. К.* Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина // *Studia Slavica Hungarica*. 1985. № 31. С. 61–108.

по сути, в хронологическом исследовании. Основным из этих мотивов является фигура автора, судьба которого, как мне кажется, неотделима от судьбы Бога в мышлении Бахтина. Более того, Бонецкая отождествляет отдельные периоды мысли Бахтина с умалением роли авторства как творческого начала и в самом конце своего очерка даже затрагивает авторское молчание. Если бы она изложила свою мысль с точки зрения христианских мотивов с ориентацией на фигуру автора, её взгляды, скорее всего, во многом совпали бы с моими. Однако она этого не делает, за исключением довольно двусмысленного отрывка о «Проблемах поэтики Достоевского», в котором утверждается, что вера Достоевского является основой его поэтики, а Христос провозглашается идеальным человеком и автором Достоевского, однако не ясно, чью точку зрения представляет Бонецкая⁶². Она не развивает тему Боговоплощения и его роли в трудах Бахтина и не продолжает свои рассуждения об эстетической любви⁶³, а также ей удаётся рассмотреть понятия спасения и вечной жизни в «Авторе и герое» упустив, как мне кажется, совершенно естественные выводы об их христианской основе.

В своей достаточно сложной статье Гройс⁶⁴ пытается разрешить некоторые двусмысленности в трудах Бахтина (смешение искусства и жизни, амбивалентный статус автора), сопоставляя их с аналогичной двойственностью в русской философской традиции, наиболее часто обращаясь к Соловьёву. Однако он не затрагивает их возможную связь на уровне философии религии, а, скорее, рассматривает теорию Бахтина как секуляризацию религиозной философии Соловьёва⁶⁵.

Наконец, Бабкина⁶⁶ рассматривает раннее творчество Бахтина (до 1929 г.) в его отношении к мистицизму и догматике, выделяя три бахтинские концепции, которые, по её мнению, прочно укоренены в православных догмах бессмертия и боговоплощения («вненаходимость»), Троицы (диалог) и сотворения человека по образу и подобию Божию (отношения автор — герой). Её статья является самым прямым призывом к рассмотрению христианского аспекта в трудах Бахтина со времён Ильинского и содержит массу интересных рассуждений. Она

62 *Бонецкая Н. К.* Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина. С. 97–98.

63 Там же. С. 66–67.

64 *Гройс Б.* Проблема авторства у Бахтина и русская философская традиция // *Russian literature*. 1989. Vol. XXVI. P. 113–130.

65 *Ibid.* P. 125.

66 *Бабкина Я. С.* Идеи М. М. Бахтина в контексте православной мистики и догматики // *М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность: в 2 ч. / под ред. А. Ф. Еремеева и др.* Ч. 1. Саранск, 1992. С. 316–324.

использует выдвинутое В. Н. Лосским определение того, что представляет из себя православное учение, хотя многое из того, что Бабкина приписывает православию, можно также сказать, например, о протестантизме (например, акцент на живом общении с Богом⁶⁷, отношения Лиц в Троице⁶⁸ и баланс детерминизма и свободной воли в отношениях творения к Творцу⁶⁹). Есть, однако, исключения, например, понятие Божественных энергий⁷⁰ и апофатический уклон православного богословия⁷¹, которые, по мнению Бабкиной, повлияли на привычку Бахтина использовать различные термины для обозначения одного и того же неуловимого понятия. Во введении к своей статье Бабкина утверждает, что «поиск религиозных смыслов в идеях Бахтина — это не дань моде на “христианизацию”, а одно из потенциальных средств для “вскрытия” его трудов, которые ещё не были концептуально исследованы»⁷². Это обращение к «моде» указывает на одну из причин, по которой отношение к Бахтину как к религиозному мыслителю, изначально распространившееся распорядителями его литературного наследия и его знакомыми с 1960-х гг., которые сами принадлежат к религиозному, «правому» крылу русской интеллигенции, должно прочно закрепиться в России. Это также подтверждает мою точку зрения о том, что этой теме посвящено слишком мало серьёзных, аналитических работ.

Бахтин и христианство: Бог и изгнанный автор

За исключением нескольких статей на тему карнавала, вся литература по религиозным концепциям у Бахтина ограничивается анализом текстов раннего периода интеллектуальной карьеры Бахтина. Соглашаясь со многим из написанного, я стремлюсь рассмотреть эти идеи в ранних трудах Бахтина более подробно, не отвлекаясь на упоминание схожих мыслителей, а также расширить тему и охватить всю карьеру Бахтина.

В отличие от работ Тодорова, Кларк и Холкиста, Морсона и Эмерсон, в этой книге нет попытки дать исчерпывающее объяснение основных концепций Бахтина или, напротив, дать их краткий обзор, как это делает, например, Гардинер. Скорее, книга предполагает практическое

67 *Бабкина Я. С.* Идеи М. М. Бахтина в контексте православной мистики и догматики. С. 319.

68 Там же. С. 320.

69 Там же. С. 323.

70 Там же. С. 322.

71 Там же. С. 319–320.

72 Там же. С. 317.

знакомство с Бахтиным. За исключением главы о взаимоотношениях Волошинова и Медведева с Бахтиным, книга не содержит сравнительного компонента, и в этом отношении отличается от всех монографий «о» Бахтине, которые я рассматривала. Я не вступаю в полемику с Бахтиным, а пытаюсь лучше и более полно его понять, потому что, рассматривая христианские мотивы в его трудах, я обращаюсь к тому аспекту работ Бахтина, который до сих пор не получал полноценного анализа ни в России, ни на Западе, за исключением признания (хотя поверхностного или неохотного) его существования большинством вышеупомянутых авторов. Это не значит, что моя трактовка Бахтина стремится объяснить всё. Я концентрируюсь на одном аспекте его трудов, игнорируя все остальные, потому что я считаю, что этой теме уделяли недостаточно внимания, возможно, её даже подавляли (в том же смысле в котором Джонс понимает подавление в работах Достоевского). По моему мнению, этот аспект требует целенаправленного исследования, которое не удалось провести Кларк и Холкисту. По этой же причине я не вступаю в дискуссию со многими другими современными трактовками Бахтина, так как это не оставило бы места для целостного рассмотрения выбранной мной темы. Хотя, несомненно, было бы интересно исследовать, как (если это вообще возможно) трактовку Бахтина Гардинером можно увязать с религиозным прочтением его трудов. Однако в этой книге нет созерцательных, личных размышлений о Бахтине в духе Холкиста или Паттерсона. Хотя это, возможно, вышло из моды, но я рассматриваю присутствие некоторых христианских элементов в текстах Бахтина и пытаюсь помочь читателю выявить их в процессе, так называемого, вдумчивого чтения, «имманентного» исследования Бахтина, хотя и использую свою «внезаходимость» для создания довольно драматической истории об откровении, развитии, кризисе и исцелении.

Я думаю, что в контексте работ Бахтина правильнее говорить о «христианских мотивах», а не о «христианстве» вообще или «христианском богословии». Причиной этому является то, что Бахтин уделяет внимание одним элементам христианской керигмы (фундаментальные принципы, подчёркнутые в провозглашении Евангелий), но почти полностью игнорирует другие. Элементы, которым уделяется внимание, включают в себя, например, Сотворение, Грехопадение и Боговоплощение, а игнорирует Бахтин Воскресение и Страшный Суд. Таким образом, нельзя сказать, что христианство у Бахтина в том виде, в каком оно проявляется в его текстах, полностью соответствует какой-либо из традиционных

системных богословских трактовок. Бахтин не богослов. Он даже не христианский философ и не теоретик литературы. Он, скорее, философ, чья работа питается некоторыми аспектами христианского видения мира. Я не уверена, что нетрадиционное христианство у Бахтина имеет православную природу, и поэтому я не рассматривала в этой книге конкретно православные мотивы. Исходя из его опыта в западной иудео-христианской философской традиции и, что более важно, из особых интересов Бахтина, выраженных в его работах (их международная ориентация, противопоставление авторитарным структурам, антиклерикализм его труда о Рабле), кажется невозможным, что Бахтин мог однозначно принять православие. Некоторые мотивы, которые русские комментаторы (например, Исупов и Бабкина) приписывают православию, кажутся мне не менее подходящими, предположим, протестантскому мировоззрению. Однако поскольку православие мне чуждо, я допускаю своё невежество и обращаюсь к другим трудам о Бахтине, написанным со строго православной точки зрения, чтобы дополнить и углубить свои знания. Возможно, я не вижу в Бахтине православия только потому, что недостаточно с ним знакома.

Развивая свои аргументы, я прибегну к метафорам молчания и изгнания. Эти метафоры проявляются на нескольких уровнях. Во-первых, их можно применить к самому Бахтину, который ещё в молодости был вынужден молчать ввиду политических обстоятельств, на которые он не мог повлиять. На одном уровне, самом очевидном, он замолчал, прекратив публиковаться почти сразу после того, как начал. После публикации в 1929 и 1930 гг. предисловий к Толстому последовал 33-летний период, в течение которого Бахтин буквально писал «в стол». В научном диалоге его голос не был слышен. Этот период молчания почти в точности совпадает с годами ссылки, пять лет из которых он провёл в изгнании из культурных центров по закону, а после этого был вынужден жить в провинции в ожидании реабилитации. Таким образом, для Бахтина молчать значило отсутствовать, быть скрытым от посторонних глаз. На другом уровне, Бахтин замолчал опять же по причинам, на которые не мог повлиять, и прекратил писать так, как хотел, и на те темы, которые его интересовали. Этот процесс начался ещё до ссылки: можно вспомнить его замечание Бочарову о том, что при подготовке «Проблем творчества Достоевского» к публикации ему пришлось оставить без внимания важнейшие проблемы. Он не мог писать о философии и был вынужден выражать свои идеи в жанре литературной критики. И, конечно, он не мог открыто писать о богословских вопросах,

которые, начиная с его книги о Достоевском и далее в 1930-х и 1940-х гг., «находились в изгнании», как и сам автор. Так, в период между публикациями «Проблемы творчества Достоевского» (1929)⁷³ и «К переработке книги о Достоевском» (1961)⁷⁴ христианские мотивы, присутствовавшие в ранних очерках Бахтина, исчезают из его основных сочинений, проявляясь только в заметках, не предназначенных для широкого круга читателей. Однако я попытаюсь продемонстрировать, что они продолжали чувствоваться даже в текстах, написанных в ссылке, хоть и не были выражены напрямую.

Второй субъект изгнания — это фигура автора в бахтинском анализе. У Бахтина также отняли собственный язык в результате серии культурно-идеологических изменений, которые лишили его права на собственное слово (или возможности его использовать). Я имею в виду исторический переход от авторского языка к монолитным, политически мотивированным взглядам, в процессе которого, по Бахтину, развивался разноречивый роман. Я собираюсь продемонстрировать, что автор художественных текстов, где выражается несколько точек зрения, вынужден скрывать своё истинное лицо, притворяться, становиться мастером косвенной речи, что для Бахтина является формой молчания. Естественно, существует параллель между молчащим/изгнанным автором и молчащим/изгнанным Бахтиным, который развивает такую теорию: он предполагает, что даже в XX в., что иронично, существуют различные культурные условия, при которых даже писатель научной литературы не может позволить себе роскошь прямой речи. Но, по моему мнению, в бахтинской теории молчащего автора понятию «предаться» тишине, если вы позволите мне такой каламбур, можно дать богословское толкование. Как будет обсуждаться в Главе 6, авторитетное, прямое авторское слово становится сомнительным именно потому, что, по мнению Бахтина, таким становится сам дискурс, искажённый насилием и ложью, то есть отражением последствий Грехопадения на языке и, соответственно, его носителях. Молчание у Бахтина, на всех уровнях, которые мы до сих пор обсуждали, является одновременно и результатом Грехопадения, и реакцией на него.

Наконец, можно говорить о замалчивании или изгнании и третьего субъекта, самого Бога, чьё в высшей степени авторитетное слово вытеснили из мира культуры в результате такого же парадигматического

73 *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

74 *Бахтин М. М.* К переработке книги о Достоевском // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1961. С. 283–302.

сдвига, который, если Бахтин прав, вынудил писателя художественной прозы скрывать своё истинное «я». В своих ранних трудах Бахтин тесно связывает Бога с автором, их судьбы переплетены. И хотя зло (Грехопадение) встаёт между божьим словом и миром, для Бахтина это не означает смерть Бога, как и не означает смерти автора. В своих поздних очерках, когда Бахтин возвращается из своего физического и литературного изгнания (переезд в Москву в 1969 г., переиздание «Проблем поэтики Достоевского» и публикация диссертации о Рабле⁷⁵, в 1963 и 1965 г. соответственно), он снова поднимает темы Бога и Христа, работая над соединением своих открытий о молчании, сделанных в изгнании, и новой для него возможности быть услышанным в настоящем диалоге.

Остаётся сказать пару слов о структуре книги. Главы 2, 3, 5 и 6 содержат повествование о развитии христианских взглядов Бахтина, начиная с понятного и хорошо раскрытого «Автора и героя» до его поздних работ с упором на тему молчания. В главе 4 содержится отступление, которое я считаю необходимым для выяснения того, являлся Бахтин всё же марксистом или нет, а в главе 7 предлагается «альтернативный» анализ трудов о карнавале. Главы расположены в таком порядке, чтобы проанализировать выбранную мной тему в хронологическом порядке. Наконец, в главе 8 я повторяю всё сказанное ранее, чтобы разбить уже указанные мотивы по темам и рассмотреть окончательную позицию Бахтина, которую можно установить из его поздних текстов.

Библиография

Аверинцев С. С. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 257–259.

Бабкина Я. С. Идеи М. М. Бахтина в контексте православной мистики и догматики // М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность: в 2 ч. / под ред. А. Ф. Еремеева и др. Ч. 1. Саранск: Изд. Мордовского университета, 1992. С. 316–324.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1961. С. 283–302.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. М.: Худ. лит., 1965.

75 *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. М., 1965. Это пересмотренная и дополненная версия его диссертации «Франсуа Рабле в истории реализма» (М., 1940).

- Бахтин М. М.* Франсуа Рабле в истории реализма. М.: Институт мировой литературы им. Горького, 1940.
- Бонецкая Н. К.* Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина // *Studia Slavica Hungarica*. 1985. № 31. С. 61–108.
- Бонецкая Н. К.* Слово в теории языка П. А. Флоренского // *Studia Slavica Hungarica*. 1988. № 34. Р. 9–25.
- Бонецкая Н. К.* Теория диалога у М. Бахтина и П. Флоренского // М. М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1 / под ред. К. Г. Исупова. СПб.: Образование, 1991. С. 52–60.
- Волкова Е. В.* Эстетика М. М. Бахтина. М.: Знание, 1990.
- Гройс Б.* Проблема авторства у Бахтина и русская философская традиция // *Russian literature*. 1989. Vol. XXVI. Р. 113–130.
- Ильинский О.* Религиозные взгляды раннего Бахтина // *Русское возрождение*. 1985. № 31. С. 59–70.
- Исупов К. Г.* О философской антропологии М. М. Бахтина // *Бахтинский сборник*. Вып. 1. М., 1990. С. 30–46.
- Исупов К. Г.* Бахтинский кризис гуманизма (материалы к проблеме) // *Бахтинский сборник*. Вып. 2. М., 1991. С. 127–155.
- Исупов К. Г.* Михаил Бахтин и Александр Мейер // М. М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1 / под ред. К. Г. Исупова. СПб.: Образование, 1991. С. 60–70.
- Исупов К. Г.* Альтернатива эстетической антропологии: М. М. Бахтин и П. А. Флоренский // М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность: в 2 ч. / под ред. А. Ф. Еремеева и др. Ч. 1. Саранск: Изд. Мордовского университета, 1992. С. 161–168.
- Исупов К. Г.* От эстетики жизни к эстетике истории (Традиции русской философии у М. М. Бахтина) // *Бахтин как философ* / под ред. Л. А. Гоготышвили, П. С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 68–82.
- Турбин В. Н.* Карнавал: религия, политика, теософия // *Бахтинский сборник*. Вып. 1. М., 1990. С. 6–29.
- Bernard-Donals M. F.* Mikhail Bakhtin: Between Phenomenology and Marxism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Clark K., Holquist M.* A Continuing Dialogue // *Slavic and East European Journal*. 1986. Vol. 30. № 1. Р. 96–102.
- Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1984.
- Coates Ruth.* Christianity in Bakhtin. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (Cambridge studies in Russian Literature).
- Ferrari-Bravo D.* More on Bakhtin and Florensky // *Critical Studies*. 1990. Vol. 2 (1/2). Р. 111–122.
- Gardiner M.* The Dialogics of Critique: M. M. Bakhtin and the Theory of Ideology. London; New York: Routledge, 1992.
- Holquist M.* Dialogism: Bakhtin and his World. London; New York: Routledge, 1990.

- Jones M. V.* Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics* / ed. G. S. Morson and C. Emerson, trans. by C. Emerson. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Patterson D.* Literature and Spirit: Essays on Bakhtin and his Contemporaries. Lexington: University Press of Kentucky, 1988.
- Perlina N.* Mikhail Bakhtin and Martin Buber: Problems of Dialogic Imagination // *Studies in 20th Century Literature*. 1984. Vol. 9: Iss. 1. P. 13–28.
- Prickett S.* Words and The Word. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Ponzo A.* The Relation of Otherness in Bakhtin // *Semiotic Inquiry*. 1987. Vol. 7 (1). P. 1–20.
- Reed W. L.* Dialogues of the Word: The Bible as Literature according to Bakhtin. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges* / ed. G. S. Morson and C. Emerson, trans. by C. Emerson. Evanston (Ill.): Northwestern University Press, 1989.
- Shukman A. M.* M. Bakhtin: Notes on his Philosophy of Man // *Poetry, Prose and Public Opinion. Essays Presented in Memory of Dr. N. E. Andreyev* / ed. Harrison and Pyman. Letchworth: Avebury Publishing Company, 1984. P. 241–250.
- Shukman A.* Bakhtin and Tolstoy // *Studies in 20th Century Literature*. 1984. Vol. 9: Iss. 1. P. 57–74.
- Shukman A.* Bakhtin's Tolstoy Prefaces // *Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges*. Evanston (Ill.), 1989. P. 137–148.
- Thaden B. Z.* Bakhtin, Dostoevsky, and the Status of the I // *Dostoevsky Studies*. 1987. Vol. 8. P. 199–207.
- Todorov T.* Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle / trans. by W. Godzich. Manchester: Manchester University Press, 1984.
- White H. C.* Narrative and Discourse in the Book of Genesis. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.